

Олег Бунтарев
Лохматые друзья



Олег Бунтарев

Лохматые друзья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42924028

ISBN 9785005000675

Аннотация

Тем, кто любит братьев наших меньших. Простите, что не так. Берегите их, и они ответят взаимностью. Я сам не знал, но убедился. Они лучше, чем мы. Поверите им, и они станут вашими друзьями.

Содержание

Стремление в небо	5
Девочка, война и волк	8
Санитарка	15
Часть первая	15
Часть вторая	20
Папа, подари собаку!	25
Я не хочу убивать	34
Дина	39
Короткая жизнь	45
Чарли	49
Это не слезы	54
Анжела Викторовна	60
РадоНиковые собаки	69
Рада	69
Ника	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Лохматые друзья

Олег Бунтарев

© Олег Бунтарев, 2019

ISBN 978-5-0050-0067-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стремление в небо

Первый полет. И хочется, и страшно. Он несется вниз, набирая скорость. А потом, попав во встречную струю ветра, резко поднимается вверх. Ликование от того, что он не разбился, и гордость за себя.

Пользуясь встречными потоками ветра, он поднялся ввысь и у горизонта увидел зарницу, которая постепенно закрывалась грозowymi тучами. Резкий порывистый ветер несколько раз опрокинул его в воздухе. И потеряв ориентацию, он камнем стал падать на землю. Еще немного – и конец. Собрав всю силу воли, перед самой землей он снова взмывает вверх и ищет место для посадки, чтобы укрыться от усиливающегося ветра. Первая попытка не удалась, да и вторая тоже. Ветер набирает силу, и темные тучи с молниями и громовыми раскатами заслонили уже половину неба. Усилившимся порывом ветра его снова бросает на землю.

Удар был сильный, но не смертельный. Когда он пришел в себя, небо уже было черным. Зигзаги молний и раскаты грома сливались в один сплошной гул и яркие сполохи. Взлететь не удастся. Надо переждать грозу, а там будет видно. Слава Богу, дождь еще не начался. Надо найти укромное местечко, пока не пошел ливень.

Раскаты грома все громче и громче. Бесперывные молнии освещают все как днем. Он добрался до дерева, когда

с неба начали падать первые капли. Казалось, все живое вокруг вымерло, попряталось в норы, в щели – кто куда. И только он один был отдан на откуп стихии как жертва. Первый вылет, первое падение. И единственный конец.

Редкие крупные капли дождя превратились в сплошной поток воды с неба. Единственный сухой уголок за деревом с подветренной стороны защищал его от того кошмара, который творился вокруг. Намокнуть при таком ветре и холоде – это верная смерть.

Громыкнуло так, как будто в него попал артиллерийский снаряд. Сполох молнии ослепил его. А потом дерево, под которым он прятался, со скрежетом начало ломаться и падать. К счастью, не на него. Быстро перебежав под проливным дождем к другому дереву и встав с подветренной стороны, там, где было хоть чуть-чуть сухое место, он затаился. Пронесло!

Раскаты становятся все реже и глуше. Вот уже и небо стало потихоньку светлеть. Вода, лившаяся сплошным потоком, снова превратилась в редкие капли. И на небе засияла радуга. Неизвестно из каких щелей выбрались кошки и собаки. В небе в стремительном полете, рисуясь своими раздвоенными хвостами, летали стаи ласточек. Над речкой, что текла неподалеку, появились чайки, пытающиеся поймать мелкую рыбешку, которая всплывала на поверхность, пытаясь подкормиться тем, что принес ураганный ветер.

Небо почти очистилось. И появилось солнце. Он вышел из-за дерева, за которым прятался, и стал подставлять себя

с разных сторон его жарким лучам, чтобы обсохнуть. Солнце обогревало и обсушивало. Вокруг слышались звуки жизни: крики чаек, чириканье воробьев. И ему снова захотелось воспарить в небо. Чтобы так же, как и они, лететь над землей, наблюдать все с высоты птичьего полета, кружиться, делать кульбиты и резкие виражи и наслаждаться парением.

Высота... Он мечтал о ней с самого детства. Но вот только сможет ли он взлететь? Сможет ли испытать радость полета? Слабость после падения вызывала в нем сомнения.

Несколько неудачных попыток взлететь ни к чему не привели. Он пробовал, старался изо всех сил. И в этом стремлении совершенно забыл об осторожности. Резкая боль в спине. Он сделал рывок, оглядываясь назад, к счастью, удачный. Когда взмахнул крыльями, увидел позади себя трехцветную кошку, которой досталось всего лишь два пера. Но это нападение дало ему сил.

Сизый голубь – символ дружбы, мира и любви. Он парил в небе, кувыркался, делал резкие виражи – все то, о чем он мечтал с детства. И тогда, когда был еще птенцом, и тогда, когда отправился в первый полет с крыши дома из гнезда матери. Он был счастлив.

Мы все с вами попадали под дождь. Наверняка, каждый из нас видел птиц, которые не успевали спрятаться от проливного дождя и грозы. Намочить оперение для не водоплавающей птицы это верная смерть. Но для птенцов жажда полета иногда бывает важнее.

Девочка, война и волк

Мне довольно тяжело будет рассказать эту историю, потому что соседка – тетя Люся, от которой я ее услышал, давно умерла, и остались только отрывочные воспоминания. Поэтому сразу прошу простить меня за мои вольности и все то, что я придумаю, чтобы сделать из этого воспоминания обыкновенный рассказ.

1940 год, маленькая деревня, тете Люсе было тогда шесть лет. Родители ее работали в колхозе, а дома разводили кур и гусей. С вашего позволения, я продолжу рассказывать от ее имени.

«Весной у нас начали пропадать куры и гуси. Сначала мы думали, что это лиса, но потом папа выследил, что к нам стала приходиться волчица. Будучи неплохим охотником, он устроил на нее засаду и подстрелил. Шкура была огромная, и папа своим трофеем очень гордился.

Неделю спустя моя старшая сестра со своими подругами взяли меня в лес, для того чтобы нарвать гербарии, собрать первые весенние ягоды, а если повезет, и первые весенние грибы – сморчки и строчки. Мне повезло. Я набрела на грибную поляну и даже не заметила, как осталась одна. Сестра со своими подругами ушли дальше в лес, а я, собирая грибы, наткнулась на волчью нору. Рядом с норой лежали очень маленькие худые волчата. Их было четверо, трое уже умер-

ли, а один еще дышал. Я взяла его на руки. Он почти ничего не весил – маленький пушистый комочек, из которого торчали кожа да кости.

Никому ничего, не сказав, я побежала обратно в деревню. Дома из кринки я перелила немножко молока в бутылку и из кастрюли, где варились щи, выловила и отрезала кусочек мяса. А потом снова побежала в лес к норе. Мне так жалко было этого маленького волчонка. Но он совсем не хотел пить молоко, которое я вливала ему в рот, и был очень слабенький. А я все вливала и вливала, и наконец, он как будто немножко оживился и стал слизывать молочко у меня из ладошки. Отрывая волокна мяса, я клала ему в пасть маленькие кусочки, которые он с жадностью стал жевать и глотать. Все это он делал, полулежа, потому что встать на лапки от слабости не мог. Когда он немножко наелся и уснул, я подобрала оставшихся мертвых волчат. Руками вырыла ямку возле сосны и закопала их там. Когда я вернулась, волчонка на месте не оказалось. Я заглянула в нору и увидела его там, забившегося в угол. Сколько бы я его ни звала, он не выходил. Оставив возле норы последний кусочек мяса, я вернулась домой. Было уже довольно поздно, и сестра со своими подругами очень злились на меня за то, что потеряли.

Я никому не рассказала про свою находку, но каждый день два раза ходила к норе и подкармливала волчонка. Иногда он осмеливался и пил молоко у меня из руки и брал мясо. Но стоило где-то хрустнуть ветке или зашуметь ветру, как

он забивался в угол и больше не появлялся. А через неделю он совершенно перестал меня бояться. Как только я подходила, он выбирался из норы. Подходил и просил что-нибудь вкусное, тычась в меня носом.

Так мы с ним дружили четыре месяца. Он уже подрос и стал похож на небольшую собаку. У меня был настоящий, никому не известный друг. А потом однажды, когда я пришла, его на месте не оказалось. Я подумала самое страшное: что этого молодого волка кто-то убил. Я долго плакала возле норы, но сделать уже ничего не могла. Потом еще несколько недель я каждый день приходила к норе, оставляла рядом с ней лакомые кусочки, которые пропадали нетронутыми. Но волка я так и не увидела. Мне было грустно, потому что я потеряла своего лучшего друга. Потом я перестала приходить. Да и наступившей зимой в сильные морозы в лес особо не походишь...

1941 год. Ура! Мне исполнилось семь лет. Июнь месяц, все цветет. Я радуюсь потому, что в этом году в сентябре я должна пойти школу.

Несколько раз я приходила к норе. Но такое ощущение, что там никто так и не появлялся. Пустая нора, сухие ветки. Насобирав в поле цветов, я положила их под сосной на могилке, где были похоронены волчата. Когда я вернулась домой, я застала плачущих маму и сестру. Я ничего не понимала, папа собирал рюкзак, как будто готовился идти на охоту. А потом мы провожали его возле сельсовета. Его и дру-

гих мужчин из деревни погрузили в машину, и они уехали. Больше папу я не видела. Мама мне сказала, что началась война...

Осенью я в школу так и не пошла. В нашей деревне остались немцы. Я сама не видела, но мама говорила, что очень многих расстреляли. А на площади перед сельсоветом, который стал комендатурой, висело тело председателя. Оно долго висело. Немцы часто ходили по домам и забирали все, что было съестного. Их не волновало, что в домах были дети, что их надо кормить, что нам тоже хочется есть. Однажды, когда они забирали со стола картошку, которую мама сварила нам с сестрой на ужин, я подбежала и, схватив человека с повязкой за рукав, крикнула: «Дяденька, оставьте, нам очень хочется есть!». Он ударил меня наотмашь так, что у меня потекла кровь. Я забилась в угол у печки, всю ночь проплакала там...

1943 год. К маме по ночам приходят какие-то люди. Приносят свертки, она что-то передает им. О чем они говорят, я не слышу. Говорят очень тихо.

Сестру должны были угнать в Германию, но она заболела. У нее очень высокая температура, и мы с мамой, как только можем, ухаживаем за ней. Продуктов почти нет. Немцы и полицаи забирают все. На поле неубранная картошка, но немцы там сделали минные поля, туда никого не пускают. Очень хочется есть...

Утром в нашу дверь кто-то постучал. Мама разговаривала

с каким-то человеком. Он говорил об опасности, потом мама вернулась в дом, подняла меня и стала одевать. Одевала как можно теплее, потому что на улице было очень холодно. Вывела меня из дома, заперла в сарае и предупредила, чтобы я ни при каких обстоятельствах не шумела и не кричала. Вынести больную сестру она не успела. Возле нашего дома затахтели мотоциклы, и во двор вошли немцы. Я все это видела сквозь щели сарая. Старший из немцев стал что-то говорить маме на немецком языке, а потом они зашли в дом. Через некоторое время раздалось несколько выстрелов. Немцы вышли и, сев на мотоциклы, уехали.

А я сидела запертая в сарае, боясь пошевелиться и закричать. Мама не выходила. Только потом я узнала, что мама была связной у партизан, а утром приходил человек, который предупредил, что ее кто-то выдал. Но это было потом. А пока я сидела в сарае. Я была заперта, и никто не мог прийти мне на помощь.

Так наступила ночь. На окраине деревни был слышен вой голодных волков. Они часто приходили в деревню питаться трупами, которые немцы закапывали на окраине, но не очень глубоко. Возле стены, к которой я прикоснулась, я услышала рык, а потом скребущие звуки по стене и по замерзшей земле, как будто кто-то рыл подкоп.

Выглянув в щель, я увидела огромного волка. Шерсть его была вздыблена, морда оскалена, с каким-то остервенением он рыл подкоп под сарай. Время от времени он глядел по сто-

ронам и продолжал свое дело. Мне было очень страшно, я боялась, что он меня съест. А яма становилась все глубже. Еще немного, и он доберется до меня.

Вот уже и с этой стороны сарая начала появляться яма, и в образовавшееся отверстие стали просовываться волчьи лапы, огромные, мохнатые, страшные. Подкоп становился все глубже и шире. Я забила в дальний угол сарая, тряслась от страха и плакала. И вот он уже стоит передо мной, здоровый, с торчащими клочками шерсти и смотрит прямо мне в глаза. Я протянула руки вперед, чтобы защититься от него, и почувствовала мягкое прикосновение теплого носа, а после этого волк стал лизать мне руки. Волчонок! Я зарыдала еще сильнее, а он подошел и положил голову мне на плечо. Я плакала, а он слизывал мои слезы. Не знаю, сколько времени это продолжалось, но он вдруг исчез. Однако на душе у меня было легко, потому что я поняла, что не одна...

Утром снова приезжали немцы. Воздух был тяжелый, пропитанный гарью, полдеревни горело. Отступая, они поджигали деревню. Вот дошла очередь и до нашего дома, его тоже подожгли. До вечера были слышны выстрелы. Когда стемнело, зарево пожарищ освещало сарай.

Я не заметила, как и когда, но вдруг снова увидела волка. Передо мной лежал кусок жареной курицы, который я с огромной жадностью схватила и стала есть. Пока я ела, волк исчез. А на следующий день он появился снова, пробравшись через подкоп. В зубах принес две картофелины.

Сырые, но мне так ужасно хотелось есть, что я их съела. После еды мне очень захотелось спать, я легла и почувствовала, что волк прижался ко мне. Было тепло и уютно.

А утром, когда я проснулась, его уже не было рядом. Во дворе возле сожженного дома стояли русские солдаты. Ночью деревня перешла в руки Красной Армии. Увидев наших солдат, я закричала, они открыли сарай. У меня очень сильно заболели глаза, когда я увидела яркое солнце. Дом наш полностью сгорел. А на снегу во дворе кругом были отпечатки волчьих лап. Со всей деревни только я и еще несколько человек остались в живых, остальных немцы расстреляли. Меня отправили в детский дом.

Прошло много лет. Я вышла замуж, со своим мужем, геологом, жила на Урале. Иногда вместе с ним я ездила в поисковые экспедиции. Во время одной из них мы подобрали маленького волчонка. Может быть, его мама погибла, может быть, еще что-то случилось, но он был один, бедный и несчастный. Помня мою дружбу с волком, мы оставили его у себя и назвали Волчок. Это был самый верный и преданный друг. Он долго жил вместе с нами. Я никогда не забуду как мне, маленькой девочке, волк приносил еду.

Санитарка

Часть первая

Анонс этой истории, которая еще не была написана, но вот-вот должна была появиться, я рассказал в интервью для журнала «Арт-габарит». Честно говоря, тогда это был только костяк, только основа этого рассказа. Несколько разговоров со старушкой, вид котенка, у ее ног. Вроде бы обыденная картина. Из разрозненных воспоминаний, из личных наблюдений получилось то, что я и представляю вашему вниманию.

«Мне всего лишь 13. Но я не могу сидеть дома, когда под Сталинградом идут бои, когда постоянно бомбят нашу нефтебазу и зарево пожарищ видно на много километров. Я не могу сидеть дома. Я должна что-то делать, как-то бороться, чем-то помочь. Вот еще один госпиталь появился в Камышине. Пойду ухаживать за ранеными. Возьмут, не откажут. Я ведь сильная, не по годам рослая. Нас с сестрой всегда считали одноклассницами, хотя она старше меня на пять лет.

Хмурый серьезный врач, начальник госпиталя, сидит за столом и что-то пишет. Вид суровый, напряженный. Только подойдя к столу, я поняла, что он заполняет похоронки. Еще на подходе к госпиталю я заметила несколько десятков

тел, завернутых в простыни. «Это, наверное, на них», – мелькает у меня в голове. Сейчас он оформит все бумаги, и умерших людей увезут на братские могилы. Не на отдельные могилы, где каждый может поговорить со своим родственником, а на братские, где на всех – одна общая плита со списком фамилий. Жутко от этого становится.

Вот я стою напротив него. Он заполняет формуляры, бланки, похоронки. Лицо серьезное, хмурое. А я стою и молчу, жду, когда он обратит на меня внимание. В это время он отрывает взгляд от бумаг и пристально смотрит на меня:

– Тебе чего?

– Дяденька военврач! Можно я здесь у вас буду? Хоть санитаркой, хоть нянечкой.

– А сколько тебе лет? – хмуро спрашивает он.

– Шестнадцать, – ни на секунду не задумываясь, отвечаю я.

– Сейчас придет старшая медсестра и скажет, что тебе делать, – и он снова уткнулся в бумаги, как будто меня и не существовало рядом.

Дверь за моей спиной скрипнула, и, обернувшись, я увидела на пороге молодую красивую женщину в белом халате. «Наверное, это она и есть», – подумала я. Она подошла к начальнику госпиталя, и он протянул ей бумаги, которые только что заполнял.

– А, да, – вспомнив про меня и взглянув в мою сторону, он сказал, – вот новая нянечка, прими, оформи и расскажи,

что делать.

Не месяц и не два прошло с тех пор, как я появилась в этом госпитале. Я всегда краснела и убегала, когда красноармейцы пытались говорить мне комплименты. Меня очень смущало, что они относились ко мне как к взрослой и иногда отвечивали такие шуточки... Но я старалась не обращать на них внимания, хотя не всегда это получалось. Если они хотели поговорить, и у меня было время, я всегда выслушивала все, что они хотели сказать. Те, которые уже поправлялись и возвращались на фронт, оставляли мне адреса и номера полевой почты, с огромной просьбой, чтобы я им обязательно написала.

Однажды нам в госпиталь привезли сильно искалеченного летчика. Его сбили под Сталинградом. Если бы я знала тогда, что такое мумия, я бы его так и описала. Он был абсолютно весь перебинтован, и единственное, что можно было увидеть из-под бинтов, – это его ярко-голубые глаза, кончик розового носа и пересохшие опухшие губы. Какие грустные были его глаза! Но, взглянув в них, я видела его целиком – красивым, молодым, здоровым парнем. Каждую свободную минуту меня тянуло к нему. Я подходила, садилась на краешек его кровати, гладила по забинтованным рукам и разговаривала, хотя он не отвечал. Скоро это уже не было моей тайной. Все заметили мою благосклонность к раненому летчику и старались отойти, чтобы не мешать, когда я с ним разговаривала. Как-то, придя на дежурство, я почувствовала...

даже не почувствовала, а резануло что-то внутри. Все как-то странно на меня смотрели. Койка летчика была пуста...

– Товарищ военврач! Во сколько, когда его похоронили? Почему мне ничего не сказали?

– Дочка, он скончался сегодня под утро. Его похоронили вместе со всеми.

Я выбежала из ординаторской. Потом по крутой лестнице на улицу. И забившись в самый дальний угол за деревьями, где меня никто не видел, зарыдала от жуткой потери этих ясных голубых глаз, смотрящих на меня с перебинтованного лица.

Закончилась война. Прошли годы. Девушка выросла, где только она не работала, куда только не бросала ее жизнь. А на братских могилах, как только начиналась весна, рядом с плитой, на которой было высечено имя летчика, всегда появлялись свежие цветы. Идут годы. Уже нет страны, за которую сражался тот летчик. И от тех братских могил остался только монумент, застроенный со всех сторон домами.

– Домами на костях, – с болью сказала мне бабушка. Бабушка, та бабушка, которая во время войны была военной медсестричкой, работающей в камышинском госпитале. Она не видела того человека, которого любила всю жизнь. Все, что ей запомнилось, – это ярко-голубые глаза, которые заво-

рожили ее. До этой встречи она никогда не верила в Бога, но после смерти летчика ей так захотелось, чтобы он оказался в раю. Сначала пришло желание, а потом и вера. Она ставила свечи, она молилась. Когда становилось очень трудно, когда мизерной пенсии не хватало даже на еду, она по выходным приходила к Никольскому собору, где такие же верующие, как она, помогали ей, чем могли... На собранные деньги она покупала себе что-нибудь поесть, подкармливала бездомных котов. А если получалось, приносила цветы на братские могилы...».

Часть вторая

– Ой – ой! Чмок – чмок! Куда вы меня забираете? Мама, мама! Мяур! Мяур!..

Ой, что это? Пчхи. Пчхи. Пыль какая-то едкая и запахи незнакомые. А где же мама? Мяур! Мяур!.. Мама, где же ты? Я еще не наелся. Мои глазки не привыкли видеть, но вдруг что-то темное, огромное заслонило свет. Я как будто стал невесомым. Меня подбросило вверх. Потом кувыркнуло и прижало к чему-то теплomu. Да, когда меня кувыркнуло, я от страха закрыл глаза. А когда открыл их рядом с этим чем-то теплым.... Ой, какие они огромные! И ярко-синие, как небо! У мамы глаза зеленые были и не такие большие...

– Что, глупыш? Выбросили?

Глупыш – это я? Мне даже захотелось ударить того, кто это сказал. Но почувствовал, как меня нежно чешут за ушком, и это желание отпало. Голод не проходил, и поэтому я жалобно сказал «мя», как будто меня кто-то стиснул.

– Что же мне с тобой делать? – сказал голос со вздохом. Голос был хоть и немного скрипучий, но ласковый.

– Мурр, – отозвался я.

– Ах, маленький мяурка! Ну что мне с тобой делать? Оставить здесь? Погибнешь. Ну, пойдём, куда деваться.

Старушка прижала котенка к груди и пошла к ближайшему магазину.

– Мне бы маленькую баночку сметаны «Любимый город», ту, что за 16 рублей.

– За 16? – продавщица удивилась.

– За сколько есть, – ответила старушка.

Продавщица недовольно подала сметану. Старушка рассчиталась и,

выйдя на улицу, попыталась накормить котенка. Он совсем не умел есть. Бабулька не растерялась. Намазывая палец в сметане, она совала его ему в рот. И котенок начинал слизывать сметану.

– Ешь, дурашка, ешь, – хрипло ворковала старушка.

– Что это вы здесь устроили? Подкармливаете котов, – заверещала продавщица, вышедшая из дверей магазина. –

Только этой заразы нам не хватало, – продолжала она.

– Все-все, ухожу, не ругайтесь.

Одной рукой прижимая к себе котенка, а в другой руке держа баночку со сметаной, старушка тяжелым шагом удалилась прочь.

Старый обветшалый дом. Покосившаяся изгородь. Зато ухоженный палисадник с ярко-алыми цветами и несколько яблонь.

– Куда это меня принесли? Я еще не наелся. А тут еще пятеро сбежались, здоровые такие. Мне от них явно ничего не достанется. Еще и обидеть могут.

Цепляюсь в платок доброй женщины так, чтобы не оторваться. Страшно мне! А она ласково сажает меня на порожек и ставит передо мной огромную банку со сметаной. Это для меня огромная, а для тех, кто стоит поодаль и зыркает на меня, она показалась маленькой. Но бабуся никого не подпускает. Если осилю, все достанется мне.

Прошло несколько месяцев. Я уже самостоятельно ловлю крыс, мышей. Иногда приношу их бабусе на подушку, чтобы отчитаться о работе. Не зря кормлюсь. Не то, что эти об-

ленившиеся старожилы. И по утрам на работу с ней хожу к Никольскому собору. Она там сидит, нам на еду зарабатывает. И я рядышком. И ей не скучно, и на двоих, может быть, больше дадут. Так вместе и работаем. . . Сначала прохладно стало по вечерам. А сейчас уже и днем лужи покрыты коркой льда.

Бабуся приболела. Ее ясные до этого глаза стали мутными. Двигается с трудом. И мы уже начинаем голодать. Избаловались, мышей не едим. Нам бы что-нибудь вкусненькое. . .

– Ох, детишки вы мои. Сейчас, сейчас, только встану. Здесь до Никольского рукой подать. Обязательно что-нибудь вам принесу.

Я как всегда рядом буду, чтобы защитить. Вроде бы и близко. Я бы раз – и уже там, а так долго идем. Она садится у ворот собора. Кладет перед собой картонку, а я прижимаюсь к ее ногам, чтобы согреть. Старые войлочные сапоги уже давно изношены и дырявы, а на улице так холодно.

– Бабусь! Бабуся! Ну что молчишь? – заглядываю в ее глаза. Они синие, как небо, мутнеют и сереют. – Бабусь, а как же мы? А как же я?

Но она молчит. Взгляд ее устремлен в небо цвета ее глаз. Наверное, их глаза встретились. Вот только больше никто

не будет приносить живые цветы к плите с именем летчика... Цветы приносят. Для всех общие. Дома на костях стоят. И новые строить собираются. Бездомных котов и кошек прибавилось. Кому они нужны после смерти их хозяйки. А на ее могилу под номером никто не придет. К девочке, женщине, старушке. Кто ее будет помнить, кроме кучки бездомных котов, которых она кормила. Она в своей жизни любила всего одного человека с ярко-голубыми глазами. И поддерживала немых страдальцев, ходящих на четырех лапах и скрашивающих ее жизнь.

Номер, неухоженная могила. А на ней сверху лежит большой пушистый кот. У него даже имени не было. Он нашел ее. Посетители кладбища знают его, подкармливают. Голод не тетка, и он ест, не покидая своего поста на могиле девочки-санитарки. Может быть, когда и его не станет, он окажется в семье голубоглазого летчика и молоденькой санитарки. Преданный им обоим кот.

Папа, подари собаку!

Влад собирался на работу. Сегодня очень ответственный день, и надо было приехать пораньше. А тут, как назло, все из рук валится. То чайник

без воды поставил, то пуговица оторвалась. А еще дочка Аленка все время вокруг вертится. У нее сегодня день рождения, и ей очень хочется узнать, что папа ей подарит. А у него в голове одни только мысли об отчетном собрании.

– Дочур, вот приеду и увидишь, – отвечал он, хотя толком и сам не знал, что же подарить. – А ты что бы хотела?

– Папа, а ты правда подаришь? – глаза Аленки загорелись.

– Ну, коли сам предложил, куда деваться? – Влад улыбнулся.

– Папа, подари собаку. – Аленка хитро прищурилась. – Ты обещал.

Влад не любил животных, не то чтобы он мог пнуть или обидеть, нет, а просто не любил и не хотел держать их в квартире. Просьба дочки застала его врасплох.

– Что, попался? – в комнату вошла жена, неся пальто с пришитой пуговицей. – Одевайся, а то опоздаешь – добавила она.

– Выкручусь

Влад улыбнулся и, накинув пальто, вышел из квартиры. Спускаясь с третьего этажа, он подумал: «А куплю ей большого плюшевого пса, вот и выход». Ему самому от таких мыслей было не по себе, он прекрасно понимал, что дочурка ждет живого веселого щенка, не первый раз она обращалась к нему с такой просьбой. А он... ну ни как не мог побороть в себе неприятие к животным. Кошку, может, и стерпел бы, а вот собаку...

На улице стоял непроглядный туман, буквально в нескольких метрах ничего не было видно. Перепрыгивая через лужи, Влад чуть ли не на ощупь добрался до гаража. Ехать надо было в соседний городок. Вроде, и расстояние небольшое, но ехать приходилось медленно. Туман оседал на стеклах мелкими каплями, свет фар с большим трудом вырывал небольшой участок дороги впереди, и больше ничего не было видно. Вот промелькнул знак «Крутой поворот» возле дач, и тут Влад резко затормозил. Посреди дороги, прямо глядя на него, сидела большая рыжая собака. Посигналив несколько раз, и не добившись от неё никакой реакции, Влад попытался объехать неожиданное препятствие, но собака снова перегородила ему дорогу. Попробовал мед-

ленно ехать прямо на нее, та залаяла, отпрыгнула в туман и снова появилась, сев на асфальт, перекрывая движение. Так повторилось несколько раз. Влад уже потерял терпение, он и так опаздывал, а тут еще и эта собака.

– Ненавижу собак, – подумал Влад и нажал на газ...

Собака запрыгнула на капот, неистово залаяла, потом, спрыгнув в туман, на секунду пропала, и вот снова перед машиной. Влад взял монтировку, лежавшую между сидений, и вышел из машины. Псина пару раз тьякнула и вновь скрылась в тумане, теперь ее лай слышался в стороне от дороги. Влада так заинтересовало поведение собаки, что он, забыв о том, что опаздывает, пошел на лай. Проходя мимо проби- того ограждения, он уже стал догадываться, что произошло, и тут увидел багажник машины, упавшей в кювет. Не раздумывая, бросился к ней в надежде, что помощь еще не опоздала. Передняя часть машины была почти полностью разбита, двигатель сместился в салон, зажав водителя, а на заднем сидении в детском кресле пристегнута плачущая девчушка, примерно ровесница его дочери. Задняя дверь поддалась легко. Влад вытащил малышку и чуть не был сбит собакой, которая, протиснувшись между ним и девочкой, принялась деловито обнюхивать и вылизывать ее заплаканное лицо. А вот переднюю дверь заклинило напрочь. Позволив в службу спасения, Влад монтировкой стал выламывать

дверь.

Он уже извлек окровавленного водителя, когда услышал сирены подъезжающих машин. На помощь бежали люди с носилками. Водитель стал подавать признаки жизни, а собака не отходила от девочки и внимательно глядела на вновь прибывших, готовая в любую минуту встать на защиту хозяйки. Влад помог погрузить носилки в «скорую», к этому времени мужчина уже пришел в себя.

– Пожалуйста, Соньку не оставляйте, – произнес он, пытаясь дотянуться до руки Влада.

– Да она в соседней машине, с ней все в порядке.

– Я не про дочь, – мужчина застонал. – Собака. Мы живем недалеко, и жене сообщите, пожалуйста.

Влад бросил взгляд на вымазанную собаку, вздохнул, но отказать не смог.

– Хорошо, отвезу вашу Соньку.

Записав адрес, он пошел к своей машине. Уже не думая о том, что безнадежно опоздал, вымазал и порвал пальто, что, возможно, сегодня лишится работы, он погрузил собаку

в машину и поехал по туманной дороге. Домик, к которому он подъехал, выглядел очень аккуратным и уютным, перед ним – ухоженный палисадник. В рассеивающемся тумане он был похож на сказочный теремок. Нажав на кнопку звонка возле калитки, Влад услышал, как приоткрылась входная дверь, и приятный женский голос спросил: « Кто там?»

– Я собачку вашу привел

– Ой, спасибо вам огромное! Вы представляете, муж уехал с дочкой, и десяти минут не прошло, а она, как взбесилась. Сначала по комнатам металась, а потом как сиганула в окно, аж раму вынесла. Я так испугалась, ведь у нее щенки, а вдруг она заболела... Вот дочка бы расстроилась. Они так любят друг друга.

Женщина тараторила, не умолкая, Влад даже сказать ничего не мог, а она, схватив его за рукав, тащила за собой в дом, все время болтая:

– Вы проходите-проходите, я сейчас вам чайку сделаю. А какие у нее щенята замечательные, ну прям...

– Послушайте, – наконец перебил ее Влад. – Ваш муж и дочь в аварию попали. Они в больнице, в травматологии.

Женщина осеклась и, зашатавшись, присела на табурет.

– Какую аварию, – голос ее стал сразу слабым и прерывистым. – Они живы? Где они? – еще немного, и у нее случилась бы истерика.

– Живы-живы, – поспешил сказать Влад – С дочкой все в порядке, у мужа голова разбита и сотрясение, но это не страшно. Хотите, я вас в больницу отвезу?

– Да, да, конечно, – и она ушла одеваться.

Сонька, покрутившись по кухне, забралась в большую корзину, стоявшую возле ОГВ. Оттуда слышалось поскрипывание и чавканье.

– Ну что, едем? – сказала женщина, появляясь на пороге кухни – Меня, кстати, Светой зовут.

– Влад.

– Очень приятно, спасибо Вам!

– Поехали, – и только тут Влад вспомнил, что он даже не позвонил на работу.

По дороге он дозвонился шефу и вкратце описал ему ситуацию, тот на удивление все воспринял спокойно и предоставил ему отгул.

До больницы ехали молча, каждый был поглощен своими мыслями. Возле приемного отделения Влад, высаживая Светлану, предложил ее подождать. Мало ли что. Может, потребуется привезти что –нибудь, все равно у него теперь день свободный. Света с благодарностью приняла предложение.

Заслышав шум открываемой отцом двери, Аленка со всех ног кинулась в коридор.

– Папа, папа приехал!

Увидев, что у него в руках только пакет и коробка с тортом, радостный настрой ее пропал.

– Папа, ты же обещал, – в ее голосе был упрек и разочарование. Повернувшись к нему спиной, она уже почти плакала, плечики ее дергались, и на попытку отца остановить ее, вырвалась и убежала в комнату.

Вошла Марина (жена Влада).

– Обманул? Хотя бы плюшевую собаку купил, – она вздохнула и тоже собиралась уйти.

– Да постоит вы все! – воскликнул Влад. – Дайте хоть словечко сказать.

– А что тут говорить? Она тебя так ждала, так радовалась, а ты...

Влад хитро улыбнулся и протянул жене пакет. В пакете что-то заскулило. Лицо Марины прояснилось, и она ласково обняла мужа.

– Ну, вот не можешь без сюрпризов, – притворно – ворчливо сказала она.

Из детской выглянула Аленка, она еще ничего не поняла, но детское чутье подсказывала ей, что сюрприз ожидает ее. И тут она услышала, как в пакете снова кто-то заскулил.

– Папа, папочка, ты самый лучший! – она прижалась к Владу, а потом, заполучив пакет, вытащила из него прекрасного бежевого щенка. Тот был пухленьким, с розовым брюшком, и напоминал немножко игрушечного медвежонка. На его шее красовался огромный синий бант.

– Его маму зовут Соня, и она надеется, что вы будете хорошими друзьями. – Влад глядел на счастливую дочь, обнимал прижавшуюся к нему жену и впервые за много лет чувствовал себя самым счастливым человеком.

Я не хочу убивать

Мелкий осенний дождь барабанит по брезентовой крыше УАЗика, где я сплю вместе с водителем, который привез нас с отцом на охоту. Одни капли

мелкие, а другие – крупные. Приятно лежать на сидении и слушать музыку дождя.

Первый раз отец взял меня на охоту. Он был любитель этого. Для того чтобы я не ехал на охоту с пустыми руками, он купил мне ружье ИЖ16Е, одностволку. Как я был горд, когда держал ее в руках! Настоящее оружие настоящего мужчины, настоящего охотника. В хозяйстве, куда мы приехали, был домик. А еще были лодки. Приехав, мы разделились парами и на лодках расплылись в разные места, которые посоветовали нам егеря. Само собой, мы были вместе с папой. Мы заняли позицию и ждали, когда над нами полетят утки. Вот она – первая, вторая стая. Мы стреляем и постоянно промазываем. А потом – я даже не ожидал – я попадаю в вожака стаи, и он падает в камышах совсем недалеко от нас. Мы с отцом садимся в лодку и начинаем прочесывать камыши. А в это время с разных берегов реки раздаются выстрелы по пролетающим стаям. День закончился. Двенадцать убитых уток. Две из них – наши с отцом.

– Ну вот, сынок, ты и стал добытчиком.

– Папа, ведь мне их жалко.

– Мне тоже, но ведь есть нам что-то надо. Ты же любишь гуляш из коровы, суп из курицы. Только их выращивают и убивают, загодя зная, что их съедят. А здесь ты добываешь пищу в тайге, имея ружье и несколько патронов. Ты добываешь то, что можешь съесть. А вдруг случится такое, что просто невозможно будет зайти в магазин и просто купить себе мясо, птицу? Вот тогда и пригодятся тебе эти навыки.

Мелкий осенний дождь моросит по брезенту. Солдат, водитель УАЗика, лежит на переднем сиденье. А мне он предоставил место на заднем сиденье, где я мог вытянуться в полный рост. В руках я держу железную

кружку, в которой кроме заварки листья черемухи и еще какие-то. Маленькими глотками я пью этот настой и думаю о прошедшем дне.

Укутавшись в шерстяное одеяло, которое мы взяли из дома, я засыпаю под шум капель мелкого осеннего дождя. Мне снится, будто я птица, летящая над озерами и болотами и ищущая пристанища. Вдруг мне становится больно. Как будто меня разорвало на тысячу кусков. А потом я падаю вниз. Земля вертится перед глазами. Потом снова боль

от удара о землю. Я просыпаюсь.

В кабине холодно. Папа открыл дверь и дергает меня за ногу.

– Олег, давай выходи, надо занимать места, если мы хотим настрелять сегодня уток.

– Пап, я не могу. Они живые. Я не могу и не хочу, я не буду стрелять.

– Сынок, что с тобой? Ты же так хотел поехать на охоту.

– Пап, я представил себя на их месте. Я не буду стрелять, прости, пап.

– Ну ладно, сынок.

Он уплывает на лодке со своим сослуживцем, а я остаюсь возле машины. Мне очень не хочется, чтобы раздавались выстрелы.

Мелкий дождь не прекращается. Он стучит по капюшону моей плащ-накидки. А я хожу по лесу, собираю ягоды: чернику, костянику. Вот передо мной дерево черемухи. Ветки его наклонились под тяжестью ягод и капель дождя. Бах, бах – раздаются выстрелы со стороны реки. Сердце мое сжи-

мается, ведь я сам почувствовал, как быть той уткой, которую подстрелили. Радостный полет, который оказывается падением. Может, они промазали? А может быть, нет.

День проходит незаметно, вот одна за другой возвращаются лодки, на которых сидят охотники и везут свою добычу. Все, что они добыли за день, складывается в одну кучу, чтобы потом поделить поровну на всех. Десятки уток. Большая-большая куча. И вот в этой куче что-то зашевелилось. И над ней появилась голова. Видимо, птица была только оглушена зарядом дроби, а вот теперь пришла в себя. Взмах ножа – и она снова присоединилась к куче тел убитых уток, только уже без головы.

– Пап, я больше никогда не поеду на охоту. Я не хочу. Даже если я буду понимать, что умираю с голода, я не хочу убивать.

– Сын, я горжусь тобой. Ты действительно мой сын.

Я прижался к нему и замер. А он гладил меня по голове и все время повторял:

– Сын, сынуля, сынок!

Прошло несколько лет. И папа взял меня с собой на охоту

на зайцев. Я выстрелил всего один раз. И то – в раненного, пищущего, как ребенок, зайца, который все равно не смог бы выжить. Что я мог еще сделать? Добил, чтоб не мучился. Да, звучит это как в анекдоте: «Анку ранили в палец, а я ее добил, чтоб не мучилась». Ну, вот еще про себя рассказал. Если честно, то зверей мне более жалко, чем людей. Хотя о чем это я? Нас никто не жалел, и нам самим приходилось быть беспощадными. Хотел написать одно, а написал другое. Надеюсь, друзья поймут. Снова открыл маленькую частичку души.

Дина

Интересный рассказ прочитал в «Диалоге». Собака несколько дней приходила к ветеринарной лечебнице и поднимала свою поврежденную лапу, дожидаясь, пока врачи обратят на нее внимание. Внимание все-таки обратили и оказали ей первую помощь. Несколько раз она прибежала на перевязку, а когда поправилась, потерялась из поля зрения ветеринаров, но статья о ней попала в газету. Никогда не думал, что эта собака окажется героиней моего рассказа. Но именно о ней я и хочу вам поведать.

Она появилась у почтамта ранним утром, когда люди шли на работу. Поднимая поврежденную лапку с остатками бинтов, она жалобно скулила и всегда получала лакомый кусочек от проходивших мимо людей. Скоро и охранники стали ее подкармливать, бедную, «несчастную» раненую собаку. Каждое утро она приходила к проходной, словно неся свой пост по добыче еды. Мы ее называли Дина. Как говорили охранники, стоило кому-то появиться у ограждения ночью, как она сразу будила их своим громким лаем.

Своих, кто приходил утром на работу или даже вечером появлялся у заграждения, она встречала с надеждой, что ей принесут что-нибудь вкусненькое. Сразу узнавала добрых знакомых и тыкалась теплым носом в их руки.

Через месяц мы поняли, что у нее скоро должны появиться щенки. С огромным трудом мне удалось уговорить главного инженера Черкаса сделать будку для нее и для ее будущих щенков. Долго мы с ним спорили, но, в конце концов, поддавшись моим уверениям, что и ее, и щенков я пристрою, главный инженер согласился. Плотники хозяйственного отдела сделали будку за два дня, уютную, обшитую изнутри теплым войлоком, с крышей, на случай дождя покрытой линолеумом. Все время, когда она хотела отдохнуть, она лежала в своей будке. Ее подкармливали не только работники почтамта, но и работники узла связи, а также работники городской администрации. Главпочтамт, управление связи и администрация города находятся в одном здании. Оно построено как бы квадратом с внутренним двориком. Два въезда с обеих сторон, находящиеся по разным углам периметра. Ближе к нашему входу внутри двора размещалась пристройка актового зала администрации. Вот именно в этом углу стояла будка для Дины.

Рожать она стала в конце рабочего дня, когда все уже уходило с работы. Я уже собирался сесть в свою машину, чтобы ехать домой, когда женщины с моей работы позвали меня и сказали, что Дина рожает. Рожать она стала не в своей будке, которую для нее построили, а под трубами теплосетей. Там она уже заранее выкопала себе норку. Там среди

стекловаты и появлялись на свет ее щенки. Она была молодая, неопытная, это были первые ее роды. Она не поняла, что нужно разгрызать плаценту и перекусывать пуповины своих щенков. Первые два комочка бились в конвульсиях.

– Ножницы, скорее ножницы! – прокричал я, поворачиваясь к нашим сотрудницам. В руку мне подали маникюрные ножницы, которые, к счастью, оказались в сумочке у одной из них. Я перерезал пуповину и вскрыл плаценту. Но, к сожалению, я опоздал, два первых щенка были уже мертвыми. Рожала она долго. На свет появилось еще шесть щенков. Я обрезал пуповину, вскрывал плаценту, которую она тут же слизывала и съедала. А потом ее и шестерых выживших щенков мы перенесли в будку.

Они сразу же присосались к ее соскам, а она, усталая и вымотанная, разлеглась и, периодически облизывая своих детенышей, зорко поглядывала на нас.

Вы не можете представить, сколько еды было утром возле ее будки.

Наверное, все сотрудники администрации, почтамта, узла связи делали ей свои подношения. Их было настолько много, что дворник иногда то, что уже пропало, убирал и злился на меня из-за того, что ему досталось много новой работы.

Почти неделю Дина не выходила из будки и ела только то,

до чего могла дотянуться. Никого она не подпускала к щенкам, злобно рычала. Я был единственный человек, который мог подойти и засунуть руку в будку для того, чтобы вытащить щенка, осмотреть его и вернуть обратно. В один прекрасный день, придя на работу, я увидел, как из будки вылезла Дина. Длинные лапы, размером с овчарку, белая с темными подпалинами, она вышла из будки навстречу мне. А вслед за ней бежало шесть пушистых комочков, черные, белые, белые с черным. Пушистые и просто замечательные! Она ткнулась носом мне в колено, потом лизнула руку и улеглась возле моих ног. Шестеро комочков присосались к ней. Я долго ее гладил, а она переворачивалась и меняла позы от удовольствия. Хотя комочкам – щенкам это не очень нравилось, так как когда она переворачивалась, они отрывались от нее и потом снова пытались присосаться.

– Мне надо работать, – сказал я, глядя ее, а она преданно смотрела мне в глаза. Я пошел к проходной. А Дина, поскуливая и оглядываясь на меня, вернулась в будку вместе со своими замечательными малышами. На почте, да и не только у нас, а также на узле связи, возникли споры о том, кто заберет этих прелестных милых созданий.

Щенки росли быстро, скоро они сами научились есть, и миски их не пустовали от подношений, которые приносили им люди. А потом щенки стали исчезать. Их становилось

все меньше и меньше. Я даже не знаю, кто стал их хозяевами. По сути, у нас никто не спрашивал, их просто забирали. В конце остались Дина и Берт, черный щенок с яркими глазами, который всегда рычал и не позволял взять себя в руки, может быть, поэтому он и остался.

Несколько раз, когда в актовом зале проходили заседания, мэр города, выступая за трибуной, видел, как Дина и Берт носятся по двору. А еще они начинали лаять во время его выступления. Самое интересное, что лаяли на него. Чунаков этого не потерпел, и у меня снова возникли разногласия с главным инженером по поводу пристраивания собак, так как мэр потребовал, чтобы собак или ликвидировали, или немедленно убрали. Не знаю, почему он так не любит животных, но его программа по ликвидации бездомных собак сводилась к тому, что он заказал на Соловьевском заводе партию колбасы, пропитанную ядом и набитую стеклом, которую стали разбрасывать на улицах города, от чего погибли и многие домашние животные.

К счастью, один мой хороший друг захотел приютить и Дину, и Берта. Он собирался оставить их у себя, но каково было его удивление, когда и кур, и гусей мама и щенок загнали в вольеры, именно туда, где им полагалось находиться. Правда, старательные собаки не догадались, что птиц специально выпустили на прогулку. Но ведь во всем должен быть

порядок? Птица должна сидеть в вольере! У моего друга были знакомые, державшие овец, им он и отдал собак. Сколько благодарности он потом выслушал от их нового хозяина! Это были удивительные пастухи, которые помогали ему в работе.

Вот так закончилась эта история, начавшаяся с простой газетной заметки. Больше я о них не слышал, да, наверное, это уже не так важно. Главное, что была сохранена жизнь ветеринарами и простыми людьми.

Жизнь продолжается!

Короткая жизнь

Мы родились – я и моя сестренка. Мы были лохматые, пушистые. Сначала белые, а потом, когда стали подрастать, на нас появились черные и рыжие пятна. Когда наши глазки открылись, мы уже понимали много слов, которые произносили люди. Хотя нам и подставляли мисочку с молоком, но мамино молоко всегда вкуснее. А нас всего двое, и поэтому его предостаточно. Люди гладили нас, улыбались. Пятнышки на нашей шерстке называли подпалинами и говорили: «Ах, какие хорошенькие!» Недолго.

Хозяйка нашей мамы несколько раз выносила нас на базар, чтобы продать хотя бы за пять рублей. Но нас никто не брал, кому нужны двортерьеры? После этого, кроме слов «подкидыши», хотя не большим, но обидным ударом веника она выгоняла нас из дома, где было тепло и уютно, и почти совсем перестала нас кормить. Мама старалась вынести нам косточку,

на которой оставались кусочки мяса, но наши слабенькие зубы, которые только-только начали пробиваться, не могли справиться с такой едой. Тогда она ложилась, откидывала лапки в стороны и легким поскуливанием призывала нас к своим соскам. Вот и вся наша еда. Шло время. Жаль, мы не умеем его измерять. Несмотря на скудную пищу, которая

нам доставалась, мы росли комочками веселыми, добродушными и всегда виляли хвостиками, завидев человека.

Сижу, курю возле окна. Вижу, как к остановке подъехала иномарка и из нее вышла пожилая женщина, рядом со скамейкой посадила двух щенков, ну максимум, два месяца. Наверное, она надеялась, что их кто-то подберет. Каждый раз, когда я подходил к окну перекурить, я видел, как два этих бедных создания жмутся, согревая друг друга теплом, и подбегают к каждому человеку, пришедшему на остановку. Один день, второй, третий. Некоторые сердобольные люди приносили им что-нибудь перекусить. А они в надежде, что их подберут, бежали за маршруткой, в которую сели эти люди. Пытались тявкать, чтобы привлечь к себе внимание, но ничего у них не получалось. Каждое утро, собираясь на работу, я смотрел из кухонного окна и наблюдал, как два этих несчастных создания пытаются найти себе хозяев. Эх, если бы не мои коты... Ведь жили же у меня когда-то две собаки. А сейчас два кота и кошка. Ну, куда я их возьму? А жалко, хотелось бы.

Так холодно по ночам. Мы прижимаемся друг к другу, греемся. Сестренке совсем плохо, изголодалась. Мы же растем. Нам кушать надо, а еды достается еле-еле. Где наша мама? Куда нас забросили? Дорогу точно не найдем. Морозы все сильнее и сильнее. Залезем под лавку, прижмемся, смот-

рим на людей. Ну, может, покормит кто-нибудь, ну, может, хоть что-нибудь даст? Вон те, которые возле стоянки, их постоянно подкармливают. Но они здоровые, нас не подпускают. А кушать-то хочется... Люди! Ну, вы же добрые! Мы же видим, как некоторые из вас смотрят на нас с состраданием. Спасите нас! Мы всего лишь два маленьких комочка шерсти, желающие преданно служить своему хозяину или хозяйке за простую косточку, на которой будет хоть что-нибудь съедобное.

На улице мороз с ветром. Сижу, смотрю в окно и вижу, как под скамейкой, припорошенные снегом, сидят два маленьких пушистых комочка, согревая друг друга своим теплом. Они встречают и провожают каждую газель. Бегут, виляя хвостами, к каждому человеку, который не пугает их, а просто посмотрит на них с сочувствием, с пониманием. Я никогда не садился на этой остановке, всегда предпочитал пройти пешком и остановить газель в другом месте. Знал, что просто так пройти не смогу, обнадеживать тоже не мог. А сердце кровью обливалось.

Какая холодная ночь! Эти машины уже не ходят, и надежды, что нас подберут, тоже уже не осталось. То, что нас подкармливают на остановке, это так мало. Что-то сестренка притихла. Лежит, свернулась клубочком, холодно ей. Обопрусь лапками, положу на нее голову, может быть, вдвоем

согреемся...

Проснулся рано утром. Разбудил шорох скребка, которым работал дворник, чистя остановку. А потом увидел, как он взял два смерзшихся тела за хвосты и бросил в помойный бак, находящийся неподалеку.

Чарли

Сажу в кресле. Чарли ласково трется об меня и тычется своим мокрым носиком мне в шею. Замечательный кот! Абсолютно черный кот с белой гималайской грудкой и ярко-желтыми глазами. Настолько преданный, настолько любящий! Куда бы я ни пошел, он все время идет за мной. Если я принимаю ванну, то он садится напротив и своими огромными желтыми глазами смотрит на меня. Я взял его уже подростком. Но он очень быстро научился ходить в предназначенное место. Как оказалось впоследствии, безумно меня любил.

Кресло, в котором сажу я, никто и никогда не мог занять, потому что Чарли подкрадывался со спины, царапал и кусал захватчика нашего места.

Это кресло принадлежало только мне и ему или нам двоим. Никто другой не мог сесть в это кресло. Когда ко мне приходили мои друзья, я всегда их предупреждал, что в это кресло лучше не садиться. Не всегда мои предупреждения срабатывали. Виновный, севший туда, получал заслуженную награду от Чарли: поцарапанную шею или покусанные ноги. А

вот когда садился я, Чарли, забравшись ко мне на колени, прижавшись ко мне, ласково урчал. Это было наше кресло.

И, в конце концов, мои друзья поняли, что это место для хозяина и его кота.

Когда я ложился спать, я всегда чувствовал его рядом с собой. Он мог лечь в ноги, прижаться сбоку. Но когда я засыпал, он мягко крался на своих подушечках и ложился мне на грудь, согревая своим теплом и маленьким любящим сердцем.

Мне предстоит командировка. Уеду на целую неделю. Чтобы Чарли не остался без присмотра, я попросил соседку убирать за ним и кормить его.

– Хозяин, ты куда пропал? Вот возьму и расцарапаю обои на кухне. Жаль, что ты не видел, как я их скребу! Если бы увидел, то подбежал ко мне, и мы снова были бы вместе. Вот уже доцарапал до стены. Обои свисают клочьями. Из-под них видна штукатурка. Хозяин! Ведь я хулиганю! Ну где же ты? Несколько раз в квартиру заходила женщина. Запах ее мне знаком, но она не так часто появлялась здесь! А это моя территория! Ощетинив шерсть, шиплю на нее. Хоть она и приносит мне лакомые кусочки, я все равно ее ненавижу. А еще я вижу, как она меня боится, когда я на нее шиплю и выгоняю из квартиры. Где же хозяин? Без него я ничего не хочу есть. Зачем мне положили эту рыбу? Я не буду ее есть! Где мой хозяин?

Слышу, как поворачивается ключ в двери. Со всех ног бегу на этот шум. Дверь открывается. Снова на пороге стоит эта женщина. В руках у нее что-то вкусно пахнущее, но есть мне совершенно не хочется, да и ее я ненавижу. Она пытается протянуть мне руки, а я шиплю и бью ее лапой. Где мой хозяин? Верните его! Кто вы? Где мой хозяин?

Женщина осторожно вошла в квартиру. Выбросила уже протухшую еду из моей миски и положила туда что-то вкусно пахнущее. Я не буду это есть! Верните мне моего хозяина! Каждый день я кричу под дверь в надежде, что мой хозяин услышит меня. А его все нет и нет. Вот насу ему на диван! И он точно появится! Он же должен наказать меня? Задумано – сделано. А хозяина все нет и нет!

Вернулся из командировки. Дом пропах кошачьей мочой.

– Чарли, ну зачем ты это сделал? – я беру его за шкуру и тыкаю носом в пятна, оставленные его проделками.

– Хозяин, я понимаю, что я виноват, но я тебя так долго ждал! Плохо мне. Ты разве не видишь?

За окном садится солнышко. Его яркие лучи проникают через окно.

– Хозяин, я так долго не ел. У меня совсем нет сил.

Я тихо мяукаю, чтобы он посадил на окно. И он понял, что я не могу уже запрыгнуть. Он посадил. Я гляжу на проплывающие облака..., солнце садится... красно-красное... Мне так плохо!.. Но я рад, что мой хозяин вернулся ко мне. Хозяин пошел в ванную. Я как обычно сел и смотрю, как он принимает душ. Но мне почему-то холодно, а под ванной такая теплая труба. Забираюсь на нее, чтобы согреться. Хозяин даже не заметил, как я исчез.

Приняв ванну, я лег спать. Очень устал после командировки. Ночью несколько раз просыпался, но не чувствовал рядом с собой маленького любящего сердечка. Зазвонил будильник. Я вышел на кухню, но почувствовал что-то необычное: за мной не бежал Чарли.

– Чарли! Чарли! – стал искать его я. Обычно он всегда бежал на мой крик. Я заглянул под диван, под шкафы, но его нигде не было. Потом догадался заглянуть под ванну. Из-под нее на меня смотрели большие ярко-желтые глаза. Но только эти глаза уже не мигали. С трудом я вытащил окоченевший трупик из-под ванны. Я потерял друга. Маленькое любящее сердце, которое остановилось, просто не вынеся разлуки. Его я похоронил возле башни телецентра. Маленького

друга, который искренне меня любил.

Это не слезы

1

Кап-кап-кап... Но это не слезы. Мне бы захотелось заплакать, как человек, но, к сожалению, нам этого не дано. Вон собачку возле гаража камнями закидывают. Бедненькая, она на цепи, даже убежать не может, прячется по разным углам, но это ее не спасает. Вот и мне досталось, в меня

тоже пара камней прилетела. Ну, кому что я сделала? Сижу на остановке, жду, когда мне кто-нибудь что-нибудь принесет. Кушать же всем хочется. Ту хоть хозяева подкармливают, а мне только то, что достанется от добрых людей. Сижу на остановке. Некоторые добрые люди что-то приносят. А некоторые просто посмотрят, погладят и уезжают по своим делам. Я, конечно, понимаю, что их дела важнее. Но две-три минуты они могли бы уделить и мне. Я ведь многого не прошу.

Кап-кап-кап. Но это не слезы. Хотя вы, двуногие, можете принять это за плач. Нет, это не плач. Это просто мое возмущение. Сначала приручите, потом бросите, а еще и в морозы. Ладно, я стерплю. Прощу все и буду ждать своих хозяев. Но чем старше я становлюсь, надежды все меньше и меньше. А ведь я жду: вдруг появится хозяин, подберет, несмотря на возраст, несмотря на раны, нанесенные собаками. Я

ведь тоже живое существо. Мне хочется домашнего уюта, бережного отношения и ласки хозяев. Вот проехала очередная маршрутка. Точно такая же маршрутка, из которой высадили меня. Вроде и хозяева были неплохие. Но их нет и нет. Чуть не замерзла. Спасибо рыжему коту, который приносил мне поесть, а я все ждала и ждала.

Кап-кап-кап. Вы уже поняли, что это не слезы. Мы не умеем плакать. А иногда так хочется. Вы можете успокоить себя, проплакавшись, уткнувшись носом в подушку. А что делать нам? Утыкаться мордочкой в мокрый и холодный снег? Новый день и новые ожидания. Возьмите меня, обогрейте! Будьте добры ко мне! И вы не пожалеете! Я буду благодарна. И ни в коем случае не подведу вас в ваших заботах.

Кап-кап-кап. Это не слезы. А, может быть, глядя на вас, мы тоже научились плакать, только мы этого пока не понимаем. Мордочка мокрая – то ли растаявший снег, то ли слезы бездомного животного. Вот сижу на

скамейке, смотрю на вас, проходящих. Добрых или злых. Кто-то прикрикнет строго, сгоняя меня. Кто-то поделится бутербродом, который взял себе на работу. А мне нравятся и те, и те. Я хочу иметь хозяев. Добрых, любящих. Тех, которым я буду нужна. Маленькая черная кошечка. Чистая и открытая для всех вас. Я жду своего хозяина... Ну почему он меня бросил? Высадил на этой остановке. Скорее все-

го, эта остановка в самом дальнем краю от нашего дома. Да, виновата. Не сразу поняла, куда ходить в туалет. Да, виновата. Коготки чесать о его диван стала. Но ведь это инстинкт. Ты бы объяснил мне, хозяин, что делать. Ну, наверняка, я бы поняла.... А так – я на

улице, на морозе, в холоде и в голоде. В надежде, что кто-то меня подкормит.

Ну, зачем вы нас берете? Чтобы выкинуть? Чтобы, если что-то не понравилось, отказаться от нас? Мы вам верим, мы вам доверяемся, мы становимся преданными. А вы нас предаете. Сажу на скамейке. А вдруг придет хозяин? А вдруг он передумал и решил забрать меня обратно? Сажу и жду. Каждый день. Тогда, когда больше всего людей ездит на маршрутках. Добрые люди, таксисты маршруток, меня уже узнают и, когда останавливаются напротив остановки, чем-нибудь меня подкармливают.

Я для них уже старый друг. Но все равно жду своего друга, того, кто возьмет меня к себе, обнимет, приласкает, накормит. Для него я буду самым верным другом. Может быть, не сразу, но он это поймет. Ведь друг познается в беде.

Я всего лишь маленькая черная кошечка, мечтающая обрести хозяина. Не хозяина, а друга-человека. И надеюсь, я его обрету. А пока я сажу на скамейке, подкармливаюсь тем, что дадут. И жду встречи с тем единственным, которому я буду другом, и за которого я буду готова отдать жизнь. Я жду и дождусь.

Это не слезы – 2

Кап-кап-кап.... Но это не слезы. Это просто маленькие мальчишки, которые курили на задворках школы, стали тыкать бычки мне в глаза.

Один глаз видит, но с трудом, а другой совсем слепой. Спасибо, нюх помогает. Добрый мальчик, очень добрый. Он даже пытался привести меня к себе домой, здорового рыжего пса. Вот только родители его отказались, но он все равно меня не забывал. Каждый раз, когда выходил на улицу и видел меня, у него находилось лакомство: то кусочек колбаски, то сосиска, а иногда (вы даже не представляете себе!) кусочек мяса. К той ужасной школе, где мне бычками старшеклассники выжгли глаза, я уже не подходил, я всегда

пытался – пытался это не слово – находиться во дворе, где жил тот добрый мальчик. Тот, кто обогрел меня, приласкал, накормил, да и вообще просто проявил ко мне свою душу, добрую, нежную и ласковую. Однажды я увидел, как за ним гонятся мальчишки, явно его недруги. Он от них убегал, а прохожие проходили мимо, не обращая внимания на то, что происходит. Своим единственным глазом, который хоть что-то мог видеть, я видел, как

его сбили с ног. Я не мог потерпеть, чтобы обижали моего друга, моего спасителя, моего защитника. Подняв шерсть дыбом, я встал между ним и ими. Мой грозный рык отпуг-

нул их. Вы бы видели, как он меня целовал, обнимал, называл другом!

Кап-кап-кап... С его глаз капают слезы. Я все понимаю: его отчаяние, что он не может взять меня к себе. Если бы умел плакать, вот так же капать слезами, наверное, не был бы бездомным.

Кап-кап-кап... Его слезы капают на меня. Он меня обнимает, целует. Мне обидно, что я не могу стать его другом. Ведь его родители отказали взять меня. Ведь я простой беспородный рыжий пес. Зачем я им нужен?

Видя, как мальчик привязан к животным, его родители купили ему болоночку. Маленькую такую, кучерявую, зато породистую. Мне казалось, он уже забыл про меня. А он, выводя болонку на прогулку, встречал меня как старого друга, здорового рыжего одноглазого пса. Я же уже говорил вам, что на мир я смотрю только одним глазом. Второй ничего не видит. Бычок от сигареты выжег все. Но другой, слава Богу, видит, плохо, но видит.

Это я написал от имени пса. Того пса, которого я не забуду никогда. Он защищал меня ото всех: и от врагов, и от друзей. Он просто боялся, что кто-то может сделать мне плохое. А потом он пропал. Может, собачники подстрелили, а может быть, какой-то добрый, ласковый и отзывчивый человек по-

добрал его. Но он пропал. Вечером, выходя на улицу с Айкой, болонкой, которую мне подарили, я все время высматривал большого рыжего пса, одноглазого, но очень ласкового и верного. Я даже искал его. Но, к сожалению, не нашел. По сравнению с нами маленького и беззащитного. А еще очень доверчивого и доброго. Я его называл Рыжий. Настоящего имени его я не знаю. Был у меня друг. Потом пропал. Что с ним случилось? Наверное, даже не хочу знать. Если хорошее, то хотелось бы. А если, не дай Бог, плохое?

Не понял я, что это приманка. Вот я закрытый в холодной конуре. Где тот мальчик, который подкармливал меня? Здесь совсем не кормят. А потом ввели в какую-то комнату с белыми стенами, сделали какой-то укол. И меня не стало.

Анжела Викторовна

Годы, годы. Как быстро промчалась юность, зрелость. А тут после выхода на пенсию уже и старость на пороге замаячила. Анжела Викторовна не считала себя старой. Но нажитые за годы тяжелой жизни болячки все равно давали о себе знать. Давно выросшие дети разлетелись по своим гнездам. В стенах однокомнатной квартиры, в которую она не так давно переехала, было одиноко и пусто. Радостные моменты наступали тогда, когда приезжали дети и внуки. Но это было нечасто и ненадолго. Сплетничать у подъезда, как делали многие пенсионерки, она не любила. Дома сидеть тоже было невозможно. И вот тогда... В ее доме появилась кошечка. Появилась, конечно, не сама собой. Гуляя с внуком, они увидели ее на улице – маленькую, грязную, беззащитную.

– Бабушка, смотри, киса!

Анжела Викторовна глянула туда, куда он указывал, и сердце ее сжалось. Буквально на мгновение перехватило дыхание. Сама не зная почему, но она уже точно поняла, что в ее одинокой жизни наступают перемены.

– Давай возьмем ее домой? Помоем, покормим.

– Бабушка, а можно я ее буду кормить?

– Конечно, можно.

Вот так она и появилась

Муська была очень ласковая. В тихие спокойные вечера, когда Анжела Викторовна смотрела телевизор, кошечка лежала у нее на коленях, терлась о руки и громко мурчала. Внуков, которых иногда привозили в гости и оставляли у бабушки, Муська тоже любила. Она позволяла им все: дергать себя за лапы и хвост, таскать на руках. С огромным удовольствием играла с бумажкой, привязанной к нитке. Если кто-нибудь из внуков оставался

ночевать, то спать устраивалась рядом с ним, предварительно обойдя со всех сторон, осмотревшись. Она устраивалась рядом на подушке и мурчала колыбельные песенки, под которые тот засыпал.

Анжела Викторовна души не чаяла в своей кошечке. Вообще она сама по себе была очень добрым и отзывчивым человеком, хотя до знакомства с Мусей довольно холодно относилась к животным. Но после появления этого чудного создания как-то преобразилась. Теперь она уже не могла пройти спокойно мимо брошенного щенка или котенка. Обязательно чем-нибудь подкармливала. А потом из коро-

бок и подручных материалов стала делать домики для защиты от ненастья, куда подсаляла этих страдальцев. И каждый день по нескольку раз навещала их.

За несколько лет питомцев у нее появилось много. Кто-то жил в подвале. Кто-то в построенных ею домиках возле помойки и гаражей. Каждый день она всех обходила. На свою скудную пенсию покупала еду и лекарства, если требовалось. И ухаживала, как только могла. Она всегда искренне, как ребенок, радовалась, когда кто-то из ее питомцев находил хозяев. И искренне переживала и плакала, если кто-то погибал от болезней или под колесами машины. Самых больных или сильно пострадавших она частенько забирала к себе домой и выхаживала там. Кормила из соски, давала таблетки или ставила уколы по необходимости. Возила к ветврачу или вызывала того на дом. Были времена, когда у нее в квартире одновременно жили четыре, а то и пять кошек. Муська сначала ревновала. А потом резко перестала. И когда хозяйка обрабатывала чью-то ранку или кормила из соски, сидела рядом и внимательно смотрела. У Анжелы Викторовны появились знакомые, которые тоже любили животных. Иногда они вместе, наварив еды, ходили по убежищам бездомных страдальцев, кормя их, окружая заботой и лаской.

Этот год не зря тринадцатый. Злой год. Люди озлобленные. Все чаще и чаще, приходя к убежищам, она видела раз-

рушенные домики, а под их развалинами находила растоптанные и раздавленные тельца своих питомцев. Она поднимала их, закутывала в тряпочки, выносила на пустырь и хоронила. Тех, кого она в свое время спасла от холода, голода и болезней, она не могла уберечь от людской злобы и ненависти. Однажды, когда она кормила котят возле дома, проходившая мимо толстая женщина из подъезда, в котором она жила, заявила:

– Вот, раскормили здесь котов. Нечего им здесь носить.

Анжела Викторовна посмотрела на нее:

– Вам бы какое-то время тоже поголодать не мешало.

Ее слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Толстая женщина разразилась грубой бранью и в сторону животных, и в сторону Анжелы Викторовны. И брань эта не прекращалась до тех, пока та не скрылась в подъезде. А через некоторое время коты, кошки, котята стали умирать. С одинаковыми симптомами: пропадал аппетит, они резко начинали худеть. А потом умирали. Чего только не делала Анжела Викторовна. И покупала дорогие лекарства, и ставила уколы. Но все было безуспешно. Животные гибли. Кладбище на пустыре пополнялось новыми могилками. А доброе сердце Анжелы Викторовны снова замирало. Каждый раз,

закапывая маленькие тельца, она плакала, плакала и плакала. Приходила домой, садилась в кресло. Вспоминала, как выхаживала и пыталась спасти. И слезы снова наворачивались на ее глаза. А Муська, все чувствуя и понимая, забиралась на коленки к своей хозяйке, упиралась лапками в грудь и начинала вылизывать лицо, по которому текли слезы.

– Муся, Мусенька, да все-то ты понимаешь, – говорила Анжела Викторовна и, глядя ее, успокаивалась.

Я познакомился с ней осенью. Как-то вечером, возвращаясь домой, я увидел пожилую женщину, подкармливающую бездомных котят. Наблюдая, как они едят, она поглаживала их, разговаривала с ними. Сразу было видно,

что это доброй души человек. Пока она кормила маленьких, неизвестно откуда подошли котята постарше. Остановились чуть в сторонке. И видно было, что чего-то ждут.

– Сейчас, сейчас и вам дам, – повернувшись в их сторону, сказала женщина.

Те подошли чуть ближе и сели, ожидая своей очереди. Вскоре досталось покушать и им. Я сразу обратил внимание, что это не просто объедки с людского стола, а еда, специально приготовленная для кошек.

– Вы специально для них готовите?

– Да, – невозмутимо ответила женщина, – вот крупы, лапшичку с рыбой варю, чтоб вкусненько было.

– И вы их каждый день кормите?

– Да, утром и вечером, – улыбнулась она. Улыбка у нее была добрая.

– У меня здесь много питомцев, – продолжила она. – Есть еще за гаражами, подальше от людей. Я им там домики построила.

– И вы их всех кормите?! – поразился я.

– Всех. У меня еще и дома пятеро, – тут она посмотрела на меня внимательнее и спросила: – А это у вас несколько кошек живет?

– У меня, – ответил я, – два кота и две кошечки.

В общем, вот так мы и познакомились. Стали общаться, приходиться друг к другу в гости. Она познакомила меня со своим кошачьим семейством. Одного ее молодого кота я пристроил, найдя ему хозяев через интернет. Так она че-

рез день ездила, проверяла, хорошо ли живется ее питомцу на новом месте. Как-то, придя ко мне, Анжела Викторовна чуть ли не с порога разрыдалась.

– Ты понимаешь, котик черненький... Ну помнишь, про которого ты писал, на остановке... Заболел... Как другие... Те же симптомы... ничего не ел, а потом и вставать перестал... Уж я и так, и эдак... И таблетки давала, и уколы ставила... Уже и оживать вроде немножко стал и кушать, и подниматься... Я подхожу – он из домика своего навстречу выходит. А сегодня утром прихожу – домик разрушен, а недалеко тельце его лежит, машиной переехали. А у меня еще в подвале четверо котят умерло. Я их завернула, в коробочку положила, а хоронить не могу – сил нет.

И она снова разрыдалась. У меня самого комок к горлу подкатил. А глядя на ее переживания, вообще почувствовал, что не вмоготу. Успокаивал ее, как мог. Да и мои животинки рядом крутились, чувствуя неладное.

Внимание на себя отвлекали. В общем, каким-то образом успокоили.

– Анжела Викторовна, может, и к лучшему, что они умерли. Зима на носу, морозы. Вряд ли бы они выжили. Да и люди вокруг злые. Могли бы не просто убить, а покалечить. Или в подвале наглухо замуровать.

– Но ведь я, но ведь я... я ведь их всех выходила, вылечила. И ветеринара приглашала, и лекарства покупала.

– Анжела Викторовна, теперь уже ничего не изменишь. По крайней мере, они не были совсем брошены.

Женщина вздохнула.

– Как жалко их, бессловесных, безобидных. Ведь они никому ничего плохого не сделали. Почему мир такой жестокий?

P.S. Сегодня в электронной газете прочитал объявление: «Сообщество, которому не безразлична судьба бездомных и брошенных животных, предлагает неравнодушным людям встретиться и сообща решить, как помочь братьям нашим меньшим». Простое, незатейливое объявление добрых людей. И как меня поразило, когда в комментариях некоторые недочеловеки смогли испохабить и обругать не только доброе дело, но и людей с добрыми сердцами. К чему катится наш мир, когда злоба и ненависть могут проявиться там, где, кажется, можно сказать только хорошие слова? Спасибо, огромное спасибо людям, создавшим сообщество милосердия и добра. Благополучие общества можно оценить отношением к животным и детям. Насколько же деградировало

наше общество?

РадоНиковые собаки

Рада

1988 год. Я работал в Новосибирском ОМОНе, и, так как у меня были права, меня попросили какое-то время возить командира отряда полковника Зайцева.

В конце октября мы поехали в Кировский РОВД. Полковник Зайцев пошёл к начальнику Кировского райотдела, а я остался ждать в машине.

Возле РОВД, рядом со стройкой, была огромная глубокая лужа, её края уже подёрнулись коркой льда, и возле неё столпилась ватага ребят, которые бросали кирпичи в центр лужи. Я сначала даже не понял, чем они занимаются, но потом увидел торчащую над водой голову маленького щеночка. Именно в неё они и пытались попасть кирпичами.

Выскочив из машины, я разогнал детвору и только успел увидеть носик уходящего под воду маленького существа. Я бросился в воду, стараясь быстрее добраться до того места. Вода доходила мне выше колен. К моему счастью, щенок ещё раз всплыл, стараясь глотнуть воздух, чтобы спасти свою жизнь. Я подхватил его на руки и вынес из воды.

Оглядев щенка, я понял, что это самочка, которой отроду

не больше трёх недель. Несчастное создание тряслось у меня на руках, да и сам я изрядно промок и замёрз. Я прижал её к груди и вернулся в машину. Завёл мотор и включил на полную мощность печку, пытаюсь согреться сам и согреть щенка.

На какое-то время я задумался, глядя на эту лужу, о том, какими жестокими растут наши дети. И вдруг почувствовал лёгкое прикосновение к своему локтю. Я увидел, как маленькое, доверчивое существо уткнулось носиком в мой локоть, преданно смотрело в мои глаза и пыталось вилять мокрым хвостиком.

В это время в машину сел полковник Зайцев.

– Товарищ полковник, я сам промок да и вот, видите, животинку себе приобрёл. Мне необходимо съездить домой, чтобы самому переодеться, а её оставить там.

– Меня в отряд, а тебе 40 минут на все твои дела.

Сказано – сделано.

Приехав домой, я быстро переоделся, щенка оставил осваиваться на новом месте жительства, а сам снова вернулся на работу.

Тот день вообще был сложный: много вызовов, несколь-

ко тяжких преступлений, поэтому домой я вернулся поздно. Когда я открыл дверь, необыкновенно пушистый весёлый комок, от радости виляя хвостом как пропеллером и наделав на полы, бросился мне под ноги, облизал мои руки, на которые я его взял, лицо и все, куда только мог дотянуться. На радостях обгаженный пол, порванные тапочки, вылизанные руки и лицо дали этому замечательному существу имя Рада... Вот так мы и познакомились.

Ника

Уже год мы жили вдвоём с Радкой. Трудные времена по-рванных обоев, обуви и всего, что можно было погрызть, уже миновали. Рада привыкла гулять два раза в день: утром и вечером. И очень редкий случай был, если она делала свои дела дома, не дождавшись меня с работы. В общем, наша жизнь была спокойной и размеренной.

Как-то раз мы вышли с ней вечером гулять. На улице шёл мокрый снег, резкие порывы ветра пробирали насквозь. Возле подъезда мы увидели худющего щенка, он трясся так, будто ветер вот-вот оторвёт его от земли и унесёт. Уши прижаты, хвост поджат, а на мордочке выражение безграничного страха. Сначала щенок шарахнулся от нас, но, когда я позвал Радку домой, и она забежала в подъезд, он тоже попытался заскочить в тепло и укрыться от непогоды. Мы с Радкой поднялись на пятый этаж и зашли в квартиру, но не успел я закрыть дверь, как услышал тихое поскуливание. Что мне было делать? Запустил домой.

Ужасно наглое существо тут же без проблем нашло миску с едой Рады, слопало всё содержимое под её пристальным взглядом (да и моим тоже), село, уставилось на меня, тявкнуло и высунуло довольный язык.

Я решил отмыть найдёныша. Замызганный «гадкий утёнок» превратился в прелестного чёрно-рыжего щенка. Выяснилось, что это девочка.

Вот я и заработал себе головную боль, так как надо было найти для неё хозяина.

На третий день нашего знакомства – к тому времени я придумал имя Ника (Попрыгунья) – мне удалось найти ей хозяев. Маленькая хозяйка была очень счастлива такой замечательной собачке и с огромным восторгом забрала её к себе. Каково же было моё удивление, когда на следующий день вечером я вернулся с работы и увидел у своих дверей чумазое рыжее

создание, радостным лаем приветствовавшее меня. За дверью так же радостно лаяла Рада. Завёл, отмыл, позвонил её хозяевам, те прибежали через двадцать минут обрадованные, так как утром на прогулке она сорвалась с поводка, убежала, и они никак не могли её найти. Несмотря на протесты Ники, её опять увели в новый дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.